

УДК 94(47)"1917/1991"(470.343)

**КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
В МАРИЙСКОЙ АССР В 1944–1956 ГГ.
ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ В КРЫМ**

Р. Д. Куртсеитов

*Научно-исследовательский институт
Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия*

На основе опубликованных данных и семейных воспоминаний автор рассказывает о судьбе крымских татар, выселенных с Крымского полуострова после его освобождения от фашистов. В центре внимания – судьбы крымских спецпоселенцев на территории Марийской АССР.

Ключевые слова: крымские татары, спецпоселения, депортация, МАССР, леспромхоз.

Насильственные переселения народов и этнических групп накануне и в годы Великой Отечественной войны являются одной из самых трагических страниц истории СССР. 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». В ней говорилось о том, что «Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Варварской акцией сталинского режима явилось выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев. Политика насильственного переселения отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов. В Декларации Верховного Совета СССР 1989 года безоговорочно осуждается практика насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе социалистического строя...» [1, с. 415–416].

Исследования проблем репрессий по национальному признаку не теряют своей актуальности до сегодняшнего дня, тем более что до сих пор еще не завершился процесс репатриации репрессированных по национальному признаку граждан. В государствах Средней Азии, по данным экспертов, остается около ста тысяч

крымских татар. В настоящее время принимаются государственные нормативные акты по восстановлению прав репрессированных из Крымской АССР – крымских татар, армян, болгар, греков, немцев, и в том числе находившихся на спецпоселении в Марийской АССР.

Цель данной статьи – показать лишь одну из страниц репрессий по национальному признаку через призму человеческих судеб, законодательных и нормативных актов СССР, воспоминаний крымских татар, находившихся на спецпоселении в Марийской АССР, и их потомков.

В 1945 году на спецпоселении в СССР находилось 2 230 500 человек, значительную часть этих людей составлял этнический «спецконтингент», высланный по национальному признаку [2, с. 102]. Крымский «спецконтингент» (крымские татары, армяне, греки, болгары) насчитывали в это время 195 200 человек, высланных в мае-июне 1944 года. К этой цифре необходимо добавить 61 000 немцев, высланных с началом войны (август-сентябрь 1941 г.) из Крымской АССР. Ко времени выселения крымского «спецконтингента» репрессивная машина тоталитарного государства уже имела значительный опыт, приобретенный на Северном Кавказе, в Калмыкии и других регионах страны.

К 9 мая 1944 года Крымская АССР была полностью освобождена от нацистских оккупантов. Длившаяся с конца октября 1941 года оккупация принесла неимоверные страдания населению полуострова. За это время были уничтожены десятки тысяч мирных жителей, более 80 тысяч угнаны в Германию на принудительные работы. Евреев, крымчаков, цыган нацисты уничтожали тотально по национальному признаку. Нацистами было сожжено 127 сел из них 105 крымско-татарских сел предгорной и горной части полуострова, за содействие партизанскому движению. Крымско-татарские села Улу-Сала, Тав-Бадрак были сожжены вместе с населением, сгорели сотни взрослых и детей. В селе Баксан нацистский карательный отряд сжег 11 человек, остальным удалось бежать.

Крымский полуостров с октября 1941 по май 1944 года был ареной постоянных боев. Длительная оборона г. Севастополя превратила в руины не только город, но и прилегающие поселки и села. Морские десанты и тяжелые бои советских войск, партизанское движение на очень ограниченной территории с постоянными ее прочесами немецкими и румынскими войсками, нацистский террор в отношении мирного населения, постоянные облавы и угон населения на работы в Германию, захват и удержание в качестве заложников при размещении немецких военных частей в населенных пунктах делали жизнь людей на оккупированной территории невыносимой.

Одновременно с освобождением полуострова восстанавливалась система управления. Органами НКВД и других структур, как и на всех освобожденных территориях, проводилось выявление тех, кто сотрудничали с оккупационным режимом в различной форме (воевал с оружием в руках, работал в городских управах, на предприятиях, которые все функционировали в годы оккупации, были старостами или полицаями и т. д.). Наряду с этими мероприятиями была проведена перепись населения, как впоследствии выяснилось, чтобы вычислить тех, кого планировалось выселить.

За два дня до полного освобождения полуострова 11 мая 1944 года под грифом «Совершенно секретно» было издано Постановление № 5859 ГКО СССР

«О крымских татарах», в котором говорилось о массовом предательстве крымских татар во время оккупации Крыма. «Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпереселенцев в районах Узбекской ССР ... Выселение закончить до 1 июня 1944 года». Формальной основой для данного постановления служила докладная наркома НКВД Л. Берии, основывающаяся на докладной заместителя наркома НКГБ СССР Б. З. Кобулова и заместителя наркома НКВД СССР И. А. Серова, направленной на его имя, датированной 22 апреля 1944 года. Здесь, в частности, указывалось, что «...все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма...» [1, с. 121–122].

За несколько дней до выселения 11 тысяч мужчин крымских татар, достигшие совершеннолетия за годы войны, а также те, кто по разным причинам не были мобилизованы в действующую армию летом 1941 г., были отправлены в трудовую армию, для работы на шахтах Подмосковья и Тулы. Из них 3 тысячи были направлены на строительство Гурьевского нефтеперерабатывающего завода в Казахскую ССР.

Общая численность населения автономии составляла 1 126 429 (перепись 1939 г.). Крымские татары насчитывали 218 тысяч человек (19,4 %) населения Крымской АССР. С началом войны было объявлено о мобилизации четырнадцати возрастов, включая рожденных в 1923 году. К середине августа 1941 года из Крыма ушли на фронт 74 240 чел. К этому числу добавим тех, кто проходил срочную службу по довоенным четырем призывам, – 21 тысяча военнослужащих.

Не подлежали мобилизации в Красную армию представители ряда этнических меньшинств – диаспор, чьи материнские государства находились в союзнических отношениях с Германией, или по другим причинам. Крымский историк В. Брошеван в этой связи пишет: «Применительно к Крыму следует отметить, что в соответствии со специальным указом, в РККА не призывались военнообязанные: болгары, греки, иранцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латыши, немцы, поляки, румыны, турки [3, с. 126]. Весной 1944 г. после освобождения Крыма от нацистов мобилизовали в действующую армию еще 40 тысяч человек. Не подлежали мобилизации весной 1944 года уже крымские татары и армяне.

Из архивных данных и данных исследований В. Полякова известно, что к началу войны в Крыму проживало только 15 938 крымских татар в призывном возрасте от 18 до 45 лет, к ним необходимо добавить тех, кто проходил срочную службу в рядах Красной армии, а это примерно 4 200 человек. Общая численность крымских татар, мобилизованных только из Крымской АССР, составила 20 138.

После окончания войны в 1945–1946 годах в местах спецпоселений на спецучете состояли 8 995 крымских татар-ветеранов войны, в том числе 524 офицера и 1392 сержанта [4, с. 407–416]. К этому числу необходимо добавить тех, кто не находился на спецучете, а это минимум 3 000, в итоге общая цифра составляет уже почти 12 тысяч человек. Остальные погибли, пропали без вести, попали в плен, на фронтах войны начиная с июня 1941 года и до окончания войны с Японией. С 18 по 20 мая 1944 года, через неделю после освобождения Крыма, ответственный за «очистку» Л. Берия с использованием войск НКВД организовал в самой жестокой форме тотальное выселение крымских татар, в основном

женщин, стариков, детей, инвалидов в республики Средней Азии, Казахстан и на Урал. Выселение производилось с особой жестокостью. Ранним утром 18 мая, еще было темно, по заранее разработанному плану, все населенные пункты были окружены войсками НКВД. По их периметру были установлены станковые пулеметы. В дома спящих, ничего не подозревающих людей, в основном это были женщины, дети и старики, врываются трое вооруженных военных, старший из них зачитывал постановление ГКО на русском языке, который не все понимали. Объявлял, что на сборы дается 15 минут. Разбудить детей, одеть их, собрать больных и немощных стариков за это время в условиях психологического шока было очень трудно. Многие впоследствии вспоминая это утро, изменившее судьбу целого народа, говорили о том, что первая мысль, которая приходила в голову: «Будут расстреливать», и нечего, кроме священной книги мусульман Корана с собой не брали. Солдаты, подталкивая прикладами автоматов, сгоняли людей к кладбищам. Привыкшие за годы войны к расстрелам, люди прощались друг с другом, дети плакали. Мародерство в оставленных домах во многих случаях начиналось уже во время выселения. Во втором пункте Постановления ГКО от 11 мая 1944 г. говорилось: «а) разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью». Для сравнения 500 кг – это 10 мешков по 50 кг [1, с. 122–125]. На практике солдаты НКВД в большинстве случаев не позволили взять с собой даже самые необходимые продукты питания, одежду, сотую часть положенного. 20 мая Кобулов и Серов отправили телеграмму Л. Берии, в которой доложили, что операция успешно завершена, последний состав отправлен к местам спецпоселений, выселено и погружено в вагоны 180 014 человек, кроме того, райвоенкоматы Крыма мобилизовали 6 000 татар призывного возраста, которые направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев и 5 000 в распоряжение «Московуголь». Из Крымской АССР была вывезена 191 044 крымских татарина [1, с. 121]. Операция, начало которой было запланировано на 21 мая, а завершение на 1 июня, была начата на три дня раньше – 18 мая – и вместо 10 дней проведена за 3 дня.

21 мая выходит Постановление ГКО № 5937СС, в п. 1 которого говорится «Разрешить НКВД СССР (т. Берия) направить в целлюлозно-бумажную промышленность и леспромхозы Наркомлеса, обеспечивающие целлюлозно-бумажные комбинаты древесиной, в Молотовскую, Горьковскую, Свердловскую области и Марийскую АССР 10000 семейств переселяемых крымских татар». Далее в Постановлении говорилось о том, что НКВД СССР в районах размещения необходимо создать спецкомендатуры [1, с. 138]. Кроме вышеназванных областей, в леспромхозы Костромской области было направлено еще 6 347 крымских татар. На 1 января 1953 года в Марийской АССР числилось 7 652 спецпереселенца крымско-татарской национальности. В докладной Л. Берии на имя И. Сталина предлагалось расселить всех спецпереселенцев крымских татар в Узбекской ССР, фактически, кроме десяти областей данной республики, география расселения охватила еще 42 области, края, автономной республики РСФСР и Казахской ССР.

В Марийской АССР расселение спецконтингента осуществлялась по повсеместно принятому принципу – по мере необходимости рабочей силы, в населенных пунктах вдоль железнодорожной линии, где имелись барачные помещения.

Оцепляли от состава необходимое количество товарных вагонов с определенным количеством спецпереселенцев. После долгой дороги в битком набитых товарных вагонах, предназначенных, по воспоминаниям спецпереселенцев, для перевозки скота, без всяких санитарных условий, без еды, без медицинского обслуживания, люди буквально вываливались из них. Они были голодные и истощенные, всех заедали вши. В пути следования только 2–3 раза кормили мутной похлебкой без хлеба. Те, кто смог с собой прихватить съестное, делились с соседями.

В то же время в рассекреченных и опубликованных документах дается информация, сколько продуктов было отпущено для организации питания в пути следования. На каждый состав полагался один врач и два человека младшего медперсонала. Их не было вообще. На больших станциях двери вагонов не открывались. В углу вагона разбивали пол, отгораживали простыней, это место служило туалетом. Составы находились в пути следования от 15 до 25 дней. В них умирали и рождались.

В Марийской АССР спецпереселенцев поселили в бараках на лесоучастках, в так называемых населенных пунктах «10 км», «12 км» (эти наименования связаны были с километрами узкоколейной железной дороги, которую проложили для ведения лесоразработок), поселке Октябрьский и других Суслонгерского леспромхоза. Самыми тяжелыми для физического выживания спецпереселенцев были первые 1,5–2 года. Автору этих строк, сыну спецпереселенцев, с самого детства пришлось слышать воспоминания, рассказы, как своих родителей, так и всех их братьев и сестер, односельчан, о жизни на спецпоселениях в Марийской АССР. Мой отец Куртсеитов Джафер¹ – 1931 года рождения, а мама – Куртсеитова (Мамбетова) Ремзие – 1934 года рождения. В семье отца было 8, а мамы – 5 детей. Мои родители женились в 1956 году. Двое моих старших братьев родились в 1957 и 1958 годах, в их паспорте местом рождения указан «Нас. пункт 10 км».

После отмены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года режима спецпоселений для крымских татар ограничений на перемещение и проживание не было, за исключением «мест, откуда они были выселены», т. е. запрета на возвращение на Родину и прилегающих к Крыму областей Украинской ССР [1, с. 249–250]. Значительная часть спецпереселенцев – крымских татар из Марийской АССР – выехала на освоение целинных земель Казахской ССР, в Акмолинскую (Целиноградскую), Павлодарскую и другие области, а также к своим родственникам в Узбекскую и Таджикскую ССР. До этого в 1948 году из Узбекской ССР в Алма-Атинскую область Казахской ССР переселили

¹ Куртсеитов Джафер (10.04.1931 г. – 24.10.1995 г.) родился в многодетной семье ветерана-инвалида Первой мировой Аблямита Куртсеитова в д. Ени-Сарай Карасубазарского района Крымской АССР, РСФСР. В 13 лет, в мае 1944 г., вместе со всем крымско-татарским народом был выслан из Крыма на спецпоселение. Семья родителей попала в Марийскую АССР, Суслонгерский леспромхоз, где прожила до 1958 года, до отмены режима спецпоселений. В связи с запретом возвращения на Родину Джафер со своими малолетними детьми переехал в Акмолинскую область, а через год в совхоз «Казахстан» Алма-Атинской области Казахской ССР. В этом хозяйстве проработал более тридцати лет, стал одним из лучших виноградарей республики, вырастил шестерых детей. Через 48 лет, в 1992 году, вернулся в Крым в село Аргъын (с. Балки) родного района. Умер после тяжелой болезни в 1995 году.

спецпереселенцев специалистов-табаководов, значительную их часть составляли крымские татары, а также греки, болгары. Ими был основан табаководческий совхоз «Чиликский», а в конце 1950 – начале 1960-х развернулось строительство плодородного совхоза «Казахстан» того же района. Со временем они станут самыми передовыми многопрофильными хозяйствами республики. В эти хозяйства стали переезжать сотни семей крымских татар, которые с 1944 и до начала 1960-х годов были на спецпоселении в Марийской АССР, Молотовской, Костромской и других областях, и в том числе те, которые прожили по несколько лет в целинных областях Казахстана. На новом месте все они самостоятельно, за свой счет построили себе жилье. В с. Анатольевка совхоза «Казахстан» 80 % домов было построено крымскими татарами. Были заложены и возделаны тысячи гектаров виноградников и садов. На табачных плантациях совхоза «Чиликский» выращивали крымский сорт «Дюбек».

Здесь в большинстве своем они прожили до середины 1990-х годов. Массовое самостоятельное возвращение в Крым началось с осени 1987 года. Старшее поколение, выселенное из Крыма, покоится на крымско-татарских кладбищах этих совхозов, они не дожили до возвращения. Все долгое время изгнания, длинными зимними вечерами, когда в доме собирались до 20 и более односельчан, с чего бы разговоры ни начинались, все они обязательно заканчивались Крымом. Эти разговоры велись после окончания похорон, различных молебнов, свадеб и других общественных мероприятий крымских татар. С самого детства в моей памяти сохранились такие слова: как «марийский», «марилер» (марийцы), «10-й», «12-й», «октябрьский», «суслонгер», «филипсола», «мочалище», «барак», «комендатура», «комендант», «паек», «карточная система», «кукушка» (паровоз), «марийские леса», «леспромхоз» и другие. И даже вернувшись на Родину в Крым, организовывая ежегодные встречи довоенных односельчан, они не забывают «Марий», в объявлениях о встречах можно прочесть «... и тех, кто был в Марийской АССР». Это время стало частью их жизни. В газетах публикуются воспоминания спецпереселенцев о нахождении в Марийской АССР.

Самыми тяжелыми для физического выживания спецпереселенцев были первые полтора-два года. Это было связано с изменением места жительства, суровыми климатическими условиями в зимний период, отсутствием мужчин, за исключением инвалидов, больных, не пригодных к службе. Все трудоспособные, женщины, подростки работали на участках, где велся лесоповал. Женщины грузили лес на вагоны, подростки работали «сучкорубами», а в теплое время года все работали на лесопосадке. В настоящее время, через более чем 70 лет, на тех лесных участках, где были посажены молодые сосенки, уже ведется новая вырубка леса. Хлебный паек зарабатывался тяжелейшим трудом, иждивенцы получали всего 150–200 г. При отсутствии других продуктов это приводило к истощению и голодным смертям. Иногда поступала иностранная гуманитарная помощь в виде муки, яичного порошка, которую выдавали не полностью, были постоянные обвесы иногда до половины положенного.

Фактором, усугубляющим трагедию целого народа, было и то, что при выселении вместо положенных 500 кг груза на семью, не позволили ничего взять с собой. Последствия такой ситуации можно было легко спрогнозировать. Для сравнения при переселении в 1938 г. корейцев с Дальнего Востока

в Казахскую ССР, им заранее были предоставлены вагоны, каждая семья погрузила свое имущество, продовольствие, инвентарь, семена и так далее. При выселении с Северного Кавказа чеченцев и ингушей им за несколько дней также объявили об этом, люди могли взять с собой наиболее ценные вещи, продукты длительного хранения.

Еще одним существенным фактором, повлиявшим на положение спецпереселенцев, было и то, что им запрещено было самовольно покидать места поселений, т. е. найти другую работу или пропитание в другом месте. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. констатировал: «В целях укрепления режима поселения ... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар ... установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд, побег. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ» [1, с. 196–197]. С каждого совершеннолетнего взяли письменную расписку об ознакомлении.

В 1960-х годах национальным движением крымских татар были проведены две самопереписи крымско-татарского народа. В результате анализа всех полученных данных было установлено, что за первые два года от голода и болезней в местах спецпоселений умерло 46,2 % крымских татар. Эти данные, как и более 300 томов документов, начиная с 1956 года (XX съезда КПСС), систематически передавались народными представителями в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, а их копии – в ЦК компартий союзных и автономных республик, в редакции центральных, республиканских газет и журналов, общественности.

При встречах пожилые крымские татары, находившиеся в разных республиках на спецпоселении, начинают вспоминать это время и сравнивать условия содержания. В Марийской АССР не было тотально вымерших семей и тем более жителей целых сел, как это было во многих местах Узбекской ССР, где голод, малярия, тиф, дизентерия и другие болезни унесли жизни многих людей. В трех томах воспоминаний спецпереселенцев крымских татар «Депортация крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было (воспоминания депортированных)» [6], приводятся примеры, когда умерших было некому хоронить, тогда дети рыли неглубокие могилки, в которых хоронили братьев и сестер, ночью шакалы их раскапывали и разрывали трупы. В воспоминаниях спецпереселенцев из Марийской АССР сквозит одна мысль: «нас спасла марийская картошка». Голодные дети и подростки-спецпереселенцы ходили по марийским селам просили милостыню. Из воспоминаний моей покойной мамы: «Чувство голода было всегда, мы детьми думали, наступит ли тот день, когда мы досыта наедемся черного хлеба», ... продукты просить ходила вместе с двумя старшими братьями (они были на год и два старше по 12–13 лет – *Р. К.*). «Братья мне говорили: «Проси ты, ты девчонка тебе не откажут», «все давали по-разному, кто несколько картофелин, кто полведра, а кто-то и целое ведро, редко кто отказывал, но были и те, кто спускал собаку». Отец мамы был инвалидом, у него был искривлен позвоночник, он не мог разогнуться, в его армию не мобилизовали, как трех родных его братьев – Амета, Ваита, Сеттара Османовых. Все братья вернулись с войны инвалидами. Сеттар был на фронте воздушным стрелком, работая на лесоповале в МАССР, получил травму, ему ампутировали ногу.

Мой дед по отцу, Аблямит Куртсеитов, был инвалидом Первой мировой войны. Во время Брусиловского прорыва в Карпатах получил тяжелое ранение в плечо, руку в госпитале в Воронеже ему сохранили, но он не мог ее согнуть. Был награжден, свою награду и фотографию после награждения зарыл во время репрессий 1930-х годов. В честь награжденных в императорской России тогда был дан обед. Серебряный прибор, которым пользовались во время торжественного обеда, каждому был оставлен на память. Как инвалид, он получал пенсию. Родные дяди деда Аблямита – Сейтвели Асан и Ягья Асан – служили в Крымском конном Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полку, воевали в Первую мировую. Еще до Первой мировой рядовой Сейтвели Асан в июне 1901 года был награжден серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте за то, что будучи на посту № 1 во время схода селевого потока, «сохраняя верность присяге», не покинул пост, рискуя жизнью спас штандарт (знамя) лейб-гвардии Крымско-татарского дивизиона, который охранял и сопровождал императорскую семью. Сын Сейтвели Асана – Мурат – в первый день добровольцем ушел на фронт, вернулся живым с войны в 1945 году, жил в г. Волжском, а затем в г. Мелитополе. Двое сыновей Ягьи Асана – Бейтулла и Бенсеит – погибли на войне.

Дед Аблямит на спецпоселении в МАССР из-за инвалидности работал учетчиком. В семье было 8 детей, старший сын Мусин два года был малолетним узником нацистских лагерей в Австрии, после этого его направили на работу на завод, был освобожден советскими войсками, служил в Советской армии, после окончания службы приехал в Марийскую АССР. В феврале 1945 года умерла наша бабушка Амиде в возрасте 42 лет, ее, роженицу, дважды не приняли в медучреждение как спецпереселенку, куда ее возили сыновья-подростки, она родила в бараке девятого ребенка. В бараках были почти голые нары, медицинского обслуживания не было. Вскоре после ее смерти умерла от голода и новорожденная девочка. В шести бараках «нас. пункта 10-й км» не нашлось ни одной женщины, у которой было молоко.

Пережив самую тяжелую зиму, спецпоселенцы весной начали обзаводиться огородами. На участках, которые освобождались от леса, выкорчевывали пни, сажали картофель, на свежей земле он давал хороший урожай. Стали разводить молочных коз, которых зимой держали в бараках. Собирали ягоды в лесах, подростки везли собранные ягоды на станцию Суслонгер на продажу, на вырученные деньги покупали продукты.

Дед Аблямит прекрасно знал Коран, хорошо читал на арабском языке, узнав об этом, за ним приезжали местные жители из татарских сел. Во время войны все жили с верой. Местные жители-мусульмане приглашали читать молитвы, чтобы Всевышний уберег их близких на фронте от смерти. Семьи погибших просили прочесть молитву за упокой своих родных. В знак благодарности давали продукты, это тоже помогало выжить семье. Если кто-то из семи детей начинал слабеть, дед поровну брал у других и таким образом усиливал питание ослабшему. Благодаря деду все его дети выжили, за исключением новорожденной девочки.

Из-за тяжелых условий, отсутствия одежды, обуви многие дети первые годы в местах спецпоселений не могли продолжить учебу, т.к. до этого еще три военных года в оккупации не учились, многие школы не работали. Когда бытовые проблемы были решены, разница в возрасте обучающихся в одном классе местных

учеников и спецпереселенцев становилась очень большой. Из воспоминаний Зубиде Газиевой: «До войны окончила два класса, когда меня привели в школу и посадили за парту в третьем классе, я была старше остальных на пять лет, надо мной все смеялись, таких было много». Большинство из спецпереселенцев, кто начал учиться в школе до войны, среднюю школу после войны не окончили, надо было работать, помогать содержать семьи, поэтому только те, кто пошел в школу после войны, смогли закончить ее и имели возможность поступить в высшие учебные заведения. Для двоих старших братьев мамы и для нее самой среднее образование осталось несбыточной мечтой, а младший брат после окончания школы поступил и успешно окончил Марийский лесотехнический институт, младшая сестра с золотой медалью окончила школу, поступила и окончила Андиганский медицинский институт.

До отмены режима спецпоселений лишь единицы могли добиться в спецкомендатурах разрешения на выезд на учебу. И после этого многие специальности оставались закрытыми для поступления спецпереселенцев, среди них юридические, исторические, иностранных языков, авиационные, наиболее престижные военные специальности, не говоря о дипломатических и связанных с государственной тайной и безопасностью.

Помимо гражданского населения участь спецпереселенца не обошла стороной и военных, кто с оружием в руках защищал нашу Родину. Часть солдат и офицеров из числа репрессированных народов демобилизовали из армии до окончания войны и отправили в трудовую армию и в места спецпоселений на самые тяжелые работы. Зам. начальника отдела спецпоселений НКВД СССР полковник ГБ Мальцев 10 октября 1944 года докладывал заместителю НКВД СССР Чернышеву: «Демобилизованные из армии спецпереселенцы прибыли к месту расселения в летнем армейском, вполне исправном обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь изорвали ... в июле был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляла 6 копеек. [...] Одеждой и обувью спецпереселенцы не обеспечены, производят впечатление оборванцев, а между тем многие из них на груди носят ордена и медали» [7, с. 132–134.].

По воспоминаниям отца, о Победе он узнал, когда на станции Суслонгер вместе с другими подростками из барачных гвоздями выковыривали из щелей товарных вагонов зерна пшеницы, которые собирали в мешочки. В это время они увидели мужчину, верхом летевшего на лошади и громко кричавшего: «Победа! Победа!». После Победы в Марийский край стали возвращаться фронтовики, ситуация изменилась. Теперь в лицо боялись говорить: «Предатели», «Крым продали». Фронтовики, как и все остальные, были обязаны раз в месяц отмечаться в спецкомендатуре. В бараках дети играли вместо игрушек их орденами и медалями, никто на это не обращал внимание, они потеряли ценность для тех, кого подло лишили Победы.

Отметим, что крымские татары, ветераны Русско-японской войны, Первой мировой войны никогда плохо не отзывались об императоре Николае II. Наш сосед, трижды раненый ветеран-инвалид Первой мировой Мемедляев Хайбула (дожил до ста лет) много рассказывал о войне, всегда говорил о царе с уважением. Его сын Хайбулаев Садык вернулся живым со Второй мировой, умер от ран в Казахстане.

Ветераны Второй мировой, крымские татары, о Сталине не только ничего хорошего не говорили, а всегда его проклинали.

Когда объявили о смерти Сталина, вспоминал отец, многие из местных жителей плакали, а «мы радовались, у спецпереселенцев появилась надежда на изменения в жизни». Отец рассказывал об этих днях: «Мы, молодежь, все детство и юность которых прошла в бараках и лесах, собрались вместе и пошли в лес и там громко стали на родном языке кричать: «Сдох! Сдох!». Отец вспоминал, что «после смерти Сталина комендантский режим смягчился. В выходные дни мы сбегали из барачных бараков, без разрешения спецкоменданта, садились на проходящие товарные поезда и ехали в Казань. Там бурлила жизнь. Люди, празднично одетые, ходили по улицам, играли на гармонии, пели песни. Было много студентов. Я же ходил по книжным магазинам, покупал школьные учебники, учебники литературы на татарском языке, художественную литературу, хотелось читать, хотя бы на родственном, татарском, языке». Вся литература на крымско-татарском языке после выселения народа из Крыма была насильственно отобрадена и сожжена. Книжки, купленные в Казани в начале 1950-х годов, на татарском языке до сих пор хранятся в нашей домашней библиотеке. Многие стихи Г. Тукая отец знал наизусть. В те же годы он стал увлекаться поэзией, писал стихи на родном языке и записывал их в тетрадях. Только в 1970-е годы он стал публиковать их в литературно-художественном журнале «Йылдыз» («Звезда») на крымско-татарском языке в г. Ташкенте, удивляя пожилых, еще довоенных писателей и поэтов, богатством своего языка, имея за плечами только два класса довоенной школы. Среди наших родственников было трое членов Союза писателей СССР, один из них с довоенным стажем, выпускник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Абдураим Шейх-заде (Алтанлы). Много лет спустя, когда в Алма-Ату на гастроли приезжал театр им. Г. Камала из Казани, артисты театра во главе с Марселем Салимжановым приезжали к нам в гости и отец на татарском языке им читал им стихи Г. Тукая, и в первую очередь «Мое село». Село для отца всегда оставалось символом Родины, и все это передавалось нам, детям.

Память о добром всегда сохраняется. Летом 2015 года в Крыму гостил родственник наших друзей, ныне живущий в г. Волжском Джеппар Аблязов, родившийся, как и мои старшие братья, в «нас. пункте 10 км». Собрались так называемые маришцы. Рассказывали о том, что сейчас на том месте, где были бараки и где хоронили умерших. Среди прочего он рассказал о том, что навещил одинокую женщину – крымскую татарку уже преклонного возраста, которая с семьей после отмены спецрежима, как и небольшая часть крымско-татарских семей, осталась жить в Марийской АССР. Вспоминая прошлое, она сказала: «Мы выжили благодаря селам с этой стороны железнодорожного полотна, вы должны это помнить всегда...». После этой встречи через несколько месяцев она умерла. Почти в каждой семье из бывших «спецпоселенцев» хранятся фотографии той поры. Их очень немного, в основном встречаются снимки с начала 1950-х годов, как правило, на майские и октябрьские праздники, групповые фотографии молодежи.

Сегодня перед исследователями стоит задача восстановить историческую истину, написать правдивую историю о судьбе целого народа, реабилитировать не только в скудных строках государственных постановлений, но и в исторической памяти поколений горькую судьбу крымских татар в середине XX века.

1. Бекирова Г. Т. Крым и крымские татары в XIX–XX веках: сборник статей. М., 2005. С. 132–134.
2. Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму. Симферополь, 2005. 126 с.
3. Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М.: ИНСАН, 2002.
4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). ФР–9478. Оп. 1. Д. 377. Л. 8–15.
5. Депортация крымских татар 18 мая 1944 г. Как это было (воспоминания депортированных). Симферополь: Оджакъ, Т. 1. 2004. 252 с.; Т. 2. 2005. 304 с.; Т. 3, 2008. 316 с.
6. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення. (1917–1991). Київ, 2004. 464 с.
7. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М.: Яуза-пресс, 2011. 448 с.
8. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. оп. 31. Д. 56. Л. 180–206.

1. Bekirova G. T. Krym i krymskie tatory v KhKh–KhKh vekakh: sbornik statei. M., 2005, pp. 132–134.
2. Broshevan V. M. Voennaya mobilizatsiya v Krymu. Simferopol', 2005, 126 p.
3. Bugai N. F. Deportatsiya narodov Kryma. M.: INSAN, 2002.
4. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii). FR–9478, op. 1, d. 377, l. 8–15.
5. Deportatsiya krymskikh tatar 18 maya 1944 g. Kak eto bylo (vospominaniya deportirovannykh). Simferopol': Odzhak", t. 1, 2004, 252 p.; t. 2, 2005, 304 p.; t. 3, 2008, 316 p.
6. Deportovani krim'ski tatar, bolgari, virmeni, greki, nimtsi. Dokumenti. Fakti. Svidchennya. (1917–1991). Kiiv, 2004, 464 p.
7. Polyakov V. E. Strashnaya pravda o Velikoi Otechestvennoi. Partizany bez grifa «Sekretno». M.: Yauza-press, 2011, 448 p.
8. RGANI (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii). F. 5, op. 31, d. 56, l. 180–206.

**THE CRIMEAN TATARS IN THE SPECIAL SETTLEMENTS
IN THE MARI ASSR IN 1944–1956.
A LONG WAY HOME**

R. D. Kurtseitov

*Research Institute of the Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia*

On the basis of printed sources and family memoirs the author studies the fates of Crimean Tatars deported from the Crimean peninsula after its liberation from the fascists. The author focuses his research on the fate of the Crimean settlers on the territory of the Mari ASSR.

Keywords: Crimean Tatars, special settlements, deportation, MASSR, forestry.

Об авторе:

Куртсеитов Рефик Джафарович, кандидат социологических наук, доцент, Научно-исследовательский институт Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, kurtseitov@mail.ru

About the author:

Kurtseitov Refik Dzhafarovich, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Research Institute of the Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, kurtseitov@mail.ru